

БЕЗЫНВЕНТАРНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ БОЯРСКОГО «АРАЙ» МОГИЛЬНИКА В УДМУРТСКОМ ПРИКАМЬЕ

О.Ф. Хайруллина

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Научный руководитель – к.и.н., профессор Е.М. Черных

Боярский «Арай» могильник – один из новых, полностью изученных некрополей мазунинского времени в Удмуртском Прикамье. За 2002–2009 гг. отрядом КВАЭ УдГУ под руководством Е.М. Черных, С.Е. Перевощикова и О.А. Карпушкиной на нем было изучено 183 погребения с не менее чем 217 костяками (количество последних точно не установлено вследствие варварского разрушения памятника «черными копателями»).

В целом Боярский могильник по своему погребальному обряду и вещевому комплексу укладывается в мазунинские погребальные «стандарты», выделенные В.Ф. Генингом и обобщенные Т.И. Останиной [Генинг, 1967, с. 9-18; Останина, 1997, с. 20-31], но обладает рядом особенных черт. Одна из них ярко прослеживается в погребальном инвентаре, который, во-первых, характеризуется определенной скудностью и маловыразительностью состава, а во-вторых, зафиксирован у чуть более половины костяков (116, 60,4% – от 192 индивидов, обнаруженных в погребениях). Следовательно, немалая часть погребений некрополя относится к безынвентарным и тем самым как бы остается «за бортом» больших археологических реконструкций (в том числе хронологических). В данной работе пристальное внимание уделено именно таким, кажущимся на первый взгляд малоинформативным, захоронениям, их анализу и вероятной интерпретации.

Всего на Боярском некрополе изучено 72 безынвентарных погребения (39,3% от общего количества погребений).^{*} В 62 из них обнаружено 65 костяков. Всего же на могильнике с учетом коллективных захоронений, где один из умерших все же имел сопроводительный инвентарь (пп. 10, 81, 109, 112, 132 – 6 костяков), насчитывается 71 безынвентарный костяк (37,0% от 192 обнаруженных в погребениях костяков). Эти показатели достаточно высоки по сравнению с другими мазунинскими некрополями; близки к боярским значениям только Усть-Сарапульский (35,7% от изученных погре-

^{*} Вне данной статистики оказалось 5 безынвентарных погребений (пп. 13, 20, 44, 77, 124), частично уничтоженные оврагом (около 50% могилы) или потревоженные поздними вкопками, затронувшими костяк.

бений) и Быргындинский (36,6% от изученных погребений) могильники [Останина, 1997, с. 31, рис. 26].

Анализ безынвентарных погребений облегчается тем, что их антропологическая характеристика уже выполнена к.и.н. И.Г. Широковым [Широков, Черных, 2016]. При корреляции безынвентарных костяков по полу и возрасту выяснилось, что отсутствие вещей в погребении было характерно как для детей (39 случаев, 54,9% от количества безынвентарных костяков), в основном новорожденных и грудного возраста (до 1 года – 23 случая*, от года до 7-8 лет – 13 случаев, 10-12 – 1 случай), так и для взрослых индивидов зрелых возрастов – от 20 до 50 и старше лет (32 случая, 45,1%) – мужчин (12 случаев, 16,9%) и женщин (13 случаев, 18,3%).

Погребальные сооружения безынвентарных захоронений ничем не отличаются от погребений с сопроводительным инвентарем: их размеры, как и на остальных мазунинских некрополях, определялись возрастом, полом умершего, количеством захоронений [Останина, 1997, с. 21]. Деревянные погребальные конструкции, а также их фрагменты обнаружены почти в четвертой части таких захоронений (21 из 89 зарегистрированных случаев) – ящик (гроб, пп. 8, 16) и его модификация «с ручками» (п. 86), настил (пп. 5, 39, 71, 85, 179, 180), остатки рамы (пп. 68, 69, 152) или коры (п. 161). Все они типичны и для могил «боярцев» с сопровождающим инвентарем.

Поза умерших в безынвентарных погребениях, определенная у чуть более половины костяков (40 случаев, 56,3%), в целом, также является «классической» для мазунинского погребального обряда: «вытянуто на спине» с небольшой вариацией размещения рук – «вдоль тела» / «вдоль тела, кисти на тазу» / «согнуты в локтях, кисти на тазу» (29 случаев). Условно к данной группе отнесено еще 10 костяков с различной степенью сохранности антропологического материала. В остальных случаях отмечены отклонения от данной «нормы». Так, редким явлением для мазунинских некрополей можно считать нахождение в погребениях «скорченных» костяков. Один такой случай известен в Боярском могильнике: мужчина 25-35 лет из п. 16 уложен на левом боку с согнутыми в локтях и скрещенными между собой (связанными?) руками, пальцы левой руки под челюстью, нижние конечности согнуты в коленях. Аналогичный случай известен лишь в Тарасовском могильнике (п. 1045) [Голдина, Сабиров, Сабирова, 2015, илл. 34: 9].

Среди безынвентарных захоронений могильника выделяются костяки с нарушением анатомического порядка костей скелета (17 случаев из 41

* К данной возрастной группе, по-видимому, можно отнести еще два детских костяка из погребений 112 и 122, антропологические определения для которых отсутствуют.

зафиксированных на некрополе). Для них прослеживаются практически те же варианты расположения костей в могиле, что и для погребений с вещами: полное разрушение порядка костей скелета – кости перемешаны и сложены компактно (пп. 24, 27, 55, 71, 109Б, 132Б), сохранение системы размещения костей при разрушении определенной части скелета – черепа (пп. 18, 37), грудной клетки (пп. 25, 32, 52, 152, 159), нижних конечностей (п. 81А) или почти всего костяка (пп. 8, 19, 86).

Анализ скелетных остатков умерших Боярского могильника выявил антропологическую неоднородность среди «боярцев». Наиболее ярко эта дифференциация прослежена для серии мужских костяков, различающихся по наличию/отсутствию в погребении условно выделяемого «воинского» набора (костяные наконечники стрел, железные наконечники дротиков, колчаные крючки). Так, мужские захоронения без данного инвентаря заметно выделяются на фоне своих физически более крупных соплеменников меньшим ростом (162 см против 166-167 см) и более грацильным телосложением. Вероятная причина таких различий, по мнению И.Г. Широбокова, может заключаться в принадлежности части мужчин Боярского могильника к разным родовым группам [Широбоков, Черных, 2016, с. 27-29].

Суммируя полученные результаты, можно сделать предварительный вывод о том, что, в целом, изучаемая группа погребений по своему погребальному обряду практически ничем не выделяется среди тех костяков, в чьих могилах обнаружен погребальный инвентарь. Планиграфический анализ также показал относительную равномерность их распределения на погребальном поле могильника. Некоторая группировка безынвентарных костяков устанавливается внутри могильных рядов (чаще – попарно: взрослый+ребенок – пп. 19 и 2, 36 и 38, 37 и 88, 45 (А, Б) и 34, 69 и 62, 101 и 100, 130 и 140, 127 (А, Б) и 126; взрослый+взрослый – пп. 51 и 52, 55 и 86), они могли замыкать ряды (пп. 12, 14, 15, 32, 36, 92, 96, 113, 128, 152, 159, 161, 165, 174) или находиться на окраинах некрополя (пп. 8, 16, 18, 24, 25, 27, 87, 131, 149, 179, 180, 181).

Большой процент индивидов, захороненных без сопроводительного инвентаря на одном могильнике с инвентарными погребениями, но по общим канонам мазунинского погребального обряда (за исключением редких случаев), может рассматриваться через призму социальных процессов в мазунинских обществах, вероятнее всего, процессах общественной и имущественной дифференциации среди «боярцев». Редкие «отклонения» от норм обрядности (как в случае со «скорченным» костяком из п. 16), по видимому, могут отражать приниженное положение данных индивидов

в мазунинском обществе, как, например, это отмечается у скифов [Хазанов, 1975, с. 134-136], пазырыкцев [Тишкин, Дашковский, 2004, с. 219-220], саргатцев [Берсенева, 2011, с. 124-125]. Хотя нельзя исключать, что такие атипичные захоронения могут отражать и какие-то религиозно-мифологические представления «мазунинцев».

Доля детских безынвентарных костяков среди захоронений без сопроводительных вещей на Боярском могильнике ожидаемо высока (54,9%), что, в целом, по этнографическим материалам, считается нормой для первобытных обществ [Кон, 2003, с. 256]. Двойственное отношение к детям как к воплощению невинности и одновременно существу, лишенному человеческого разума, по-видимому, продолжалось до прохождения ими специальных обрядов (инициаций), которые включали «неофитов» в систему возрастной стратификации и помогали им обрести статус субъекта [Там же, с. 257]. Этим, скорее всего, объясняется большое количество безынвентарных детских погребений Боярского могильника среди новорожденных и детей грудного возраста.

Полученные выводы не отражают всей полноты исторической реальности в силу специфики археологического источника. Но не подлежит сомнению одно: материалы Боярского «Арай» могильника, фиксирующие сложные процессы в жизни одной мазунинской общины, несомненно, являются ценным источником для дальнейшего изучения мазунинского общества в целом.

Литература

1. Берсенева Н.А. Социальная археология: возраст, тендер и статус в погребениях саргатской культуры. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 204 с.
2. Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. – Свердловск, Ижевск, 1967. – С. 7-84.
3. Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I-V вв. на Средней Каме. Т. III / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 29. – Казань, Ижевск: Институт археологии им. Халикова АН РТ, Удмуртский университет, 2015. – 297 с.
4. Кон И.С. Ребенок и общество: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 336 с.
5. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. – Ижевск: УдНИИ-ЯЛ УрО РАН, 1997. – 328 с.
6. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 430 с.

7. Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. – М.: Наука, 1975. – 344 с.

8. Ширококов И.Г., Черных Е.М. Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н. э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского университета. – 2016. – Т.26, вып. 1. – С. 25-34.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ РАБОТ 2017 ГОДА НА СТАРОКИРГИЗОВСКОМ МОГИЛЬНИКЕ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИКСКО-БЕЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Д.А. Хафизов

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва, г. Самара*

*Научный руководитель – м.н.с. Научно-исследовательской лаборатории
археологии Самарского университета Р.Р. Саттаров*

Старокиргизовский грунтовый могильник расположен на восточной окраине с. Старокиргизово Илишевского района Республики Башкортостан на высоком мысу над долиной речки Миниште (левый приток р. Беляя). Первые сведения о могильнике были получены И.Б. Васильевым и В.С. Горбуновым в 1970 г. В том же году были проведены разведочные работы на площадке могильника научным сотрудником ИИЯЛ БФАН СССР А.Х. Пшеничнюком, зафиксировавшим два захоронения пьяноборского времени. В 1972 г. археологической экспедицией Башкирского государственного университета под руководством С.М. Васюткина на территории могильника были проведены стационарные археологические раскопки, в результате которых было исследовано 51 погребение. Общая площадь раскопок 1970-1972 гг. составила 270 кв. м. Исследования показали принадлежность могильника к пьяноборской археологической культуре [Васюткин, 1982, с. 125-144].

В 2016 г. раскопки на могильнике были продолжены сотрудниками Научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского университета совместно с сотрудниками Археологической лаборатории Башкирского государственного университета. Одной из основных целей, помимо науч-